

УДК 14:378

А. В. Климович¹, С. А. Жук²¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²магистрант каф. всеобщей истории

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

e-mail: ¹ksisa@yandex.by; ²sergej.zhuk.98@mail.ru**ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВИВШИЕ ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ
«КОНЦА ИСТОРИИ» Ф. ФУКУЯМЫ**

Осуществлена типологизация групп факторов, оказавших определяющее воздействие на концепцию «конца истории» (философская идея о возможности конца истории; процессы и события середины 1970-х – начала 1990-х гг.; процесс модернизации и научно-технологический прогресс). «Конец истории» определяется как триумф идеи свободы во всемирно-историческом процессе в либерально-гегельянском понимании.

И единственно рискуя жизнью, можно получить свободу.

Только таким образом проверяется и доказывается, что природа самосознания по сути своей не есть всего лишь форма существования, не есть всего лишь непосредственная форма, в которой оно впервые является.

Г. Гегель

Жизнь можно отдать только за свободу.

Это единственный вариант не отдать ее ни за что.

А. Камю

Введение

В 2019 г. исполнилось 30 лет с момента публикации статьи Ф. Фукуямы, которая была напечатана в специализированном журнале «National interest» [1, с. 134]. Статья имела эффект взрыва парадигмы: она была переведена на многие языки, в том числе и на русский, была опубликована в журнале «Вопросы философии» в 1990 г.; на статью были написаны сотни рецензий, в которых критиковались как постулирование проблемы, так и пути ее решения; также было опубликовано несколько книг, в которых детально анализировалась философская и методологическая позиция Ф. Фукуямы. Более подробно свои взгляды философ изложил в книге «Конец истории и последний человек» [2]. Но несмотря на ряд расхождений в обосновании необходимости и неизбежности наступления «конца истории», предложенных в этих публикациях, представляется возможным рассматривать их как единый взгляд на природу, специфику и закономерности всемирно-исторического процесса. Так, в статье «Конец истории?» Ф. Фукуяма рассматривает процесс достижения конца истории исключительно с философских и методологических позиций Г. Гегеля и его комментатора А. Кожева. В этой книге Фукуяма обращается к закономерностям развития политических систем, науки, экономики, к этике трудовых отношений, а также к культуре потребления. Однако именно человек как субъект всемирно-исторического процесса, «криейтор» его смыслов находится в центре внимания философа: тимос, жажда признания, а значит и стремление к свободе первичны по отношению к политическому, экономическому, социальному и культурно-духовному развитию. Таким образом, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. воззрения Ф. Фукуямы на философию истории и социальную философию не претерпели значительных трансформаций.

С другой стороны, неоднозначность восприятия в научной среде «конца истории», провозглашенного Ф. Фукуямой, значительная зависимость многочисленных критиков и оппонентов философа от собственных философских и методологических позиций привела к парадоксальной ситуации в научном дискурсе: концепция «конца истории» живет в независимом от системы взглядов автора мире. Фактически «конец истории» в научном дискурсе стал идеологемой и мифологемой, и предлагаемой в качестве знамени «цивилизации свободы», и низвергаемой с философского пьедестала как символ имперской парадигмы Запада. Следовательно, происходит как минимум смешение Фукуямы-философа и Фукуямы-политика и идеолога геостратегии США, что четко проявляется в российском научном дискурсе, в котором ученый довольно часто именуется одним из идеологов униполярного мира [3, с. 128, 129, 132; 4, с. 203–205; 5, с. 145, 147]. Мы можем соглашаться или не соглашаться с выводами, к которым пришел Ф. Фукуяма, однако необходимо понять условия и причины, которые привели его к провозглашению конца истории. Это позволит более полно и системно рассматривать его философию в контексте социогуманитарного знания в целом. Таким образом, целью статьи является характеристика основных групп факторов, оказавших влияние на формирование концепции «конца истории» Ф. Фукуямы. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) охарактеризовать воздействие идеи «конца истории» на формирование философского мировоззрения Ф. Фукуямы;
- 2) оценить конструкт «конец истории» Фукуямы в контексте геополитических трансформаций середины 1970-х – начала 1990-х гг.;
- 3) проанализировать видение Фукуямой процессов научно-технического и модернизационного развития как основу его аргументации наступления «конца истории».

Влияние философской идеи о «конце истории» на взгляды Ф. Фукуямы

Идея конца истории неразрывно связана с попытками построения модели универсальной истории, которая своими корнями восходит к христианской историософии, а именно к работам Аврелия Августина и ряда других богословов, творивших в парадигме неоплатонической традиции. Основной особенностью универсальной истории является попытка найти общую закономерность в развитии человеческих обществ, и для этого могут отбрасываться наименее важные факты, события, персоналии, которые не укладываются в предложенную модель развития всемирно-исторического процесса. Другими словами, универсальная история – это не история универсума, а поиск наиболее общих смыслов и идей истории. Для христианской историософии всемирно-исторический процесс безусловно телеологичен. В христианской интерпретации универсальной истории вся мировая история провиденциальна, ее смыслом и назначением является подготовка к Страшному суду [6]. Идеи Аврелия Августина были развиты и дополнены Фомой Аквинским, который отмечал, что в «конце истории» будет создана такая форма государства, где все будут счастливы и не будет неравенства. Очевидно, что это общество «радости в Боге». Христианская модель универсальной истории в значительной степени повлияла на концепции философии истории И. Канта и Г. Гегеля. Кант сформулировал задачу по написанию универсальной истории, которая была реализована Гегелем. Г. Гегель не верил, будто исторический процесс будет продолжаться бесконечно, а считал, что этот процесс придет к концу с установлением свободных обществ в реальном мире [7, с. 145]. И если для «раннего Гегеля» периода «Феноменологии Духа» идеал свободного общества – конституционная монархия по примеру наполеоновской Франции, то для «позднего Гегеля» – Пруссия Гогенцоллернов, что позволило не единожды обвинить философа в идеологическом обосновании «немецкого национализма» и прусского «помещичье-юнкерского строя». Однако философ говорит все же не о конце,

а о результате и смысле истории. Конечно, немецкий мыслитель не утверждал, что прекратится поток событий, связанных с рожденьями, смертями, общественной деятельностью человечества или что будет достигнут предел фактических знаний о мире. Причем Гегель считал, что весь всемирно-исторический процесс – это воплощение Абсолютного духа [8, с. 8]. Народы являются его носителями, каждый из них выполняет свою функцию в истории (успешно или нет). И именно философия Гегеля стала той основой, на которой Ф. Фукуяма строил свой вариант «конца истории».

Ф. Фукуяма в целом принимал аргументацию процесса перехода к истории в понимании К. Маркса (формирование коммунистического общества) и окончания «предыстории», однако утверждал, что не коммунизм, а либеральная демократия является концом истории. Именно либерально-демократический строй общества позволяет наиболее эффективно обеспечивать потребности человека в материальных и духовных благах, максимально (до разумных пределов) гомогенизирует общество, создает общество среднего класса, не позволяет функционировать таким институтам как партократия.

Нельзя не упомянуть о «сценарии» конца истории, предложенном В. Соловьевым: история ведет скорее к отрицательному концу – к образованию всемирной империи, извращенному образу теократии, во главе которой стоит Антихрист. Внешне она будет совершенной, лишь немногие не подчинятся господству Антихриста [9, с. 124–130]. Но данный подход к пониманию конца истории не был известен Ф. Фукуяме, как и вся русская религиозная философия рубежа XIX и XX вв.

Фукуяма не мог не знать о концепциях «конца истории», которые разрабатывались в постмодернистской философии, в частности о видении постистории Ж. Бодрийяром. Так почему же Фукуяма выбрал именно гегельянство и либерально-демократическое понимание конца истории? Очевидно, философ не мог оперировать христианским пониманием конца истории ввиду своих убеждений, сформировавшихся как в либеральной христианской среде (отец был протестантским богословом), так и в силу полученного образования в ведущих вузах США и Франции. Фукуяме глубоко чуждо понимание конца истории Аврелия Августина и Фомы Аквинского; не являются близкими для него и неотомизм с тейярдизмом. Будучи глубоко светским западным человеком, Фукуяма не может принимать категорию Бога в качестве универсального референта в процессе построения собственной концепции. Поэтому можно с уверенностью сказать, что «точка Омега» бесконечно далека от американского философа.

Постмодернистская философия также не смогла стать методологической основой концепции конца истории Ф. Фукуямы. Будучи хорошо знакомым с основными работами и самими представителями постмодернизма, Ф. Фукуяма, однако, не мог согласиться с рядом положений этой философии, в частности, ему глубоко чужда идея о делигитимизации и десакрализации идеалов модерна (в том числе о конце великих нарративов), таких как прогресс, истина, порядок, технонаука и др. Провозглашенный Ф. Фукуямой «конец истории», на наш взгляд, является примером великого нарратива, великого мифа, не обращенного в прошлое, настоящее или будущее, а вневременного и внепространственного. Исходя из этого, для американского философа является чуждой идея о восприятии мира как текста, сложной семиотической системы: дискурс состоит из дискурса, понятие – из понятий, знак – из знаков. Вместе с тем Ф. Фукуяма в своих работах в той или иной степени реализует важный постмодернистский принцип ризомы, который у него сводится к тем или иным формам индетерминизма, опыту построения нелинейных структур развития всемирно-исторического процесса, например метафора каравана.

Постмодернистская философия, разработанные в ней модели конца истории (например, концепция постистории Ж. Бодрийяра) противоречат пониманию конца истории Фукуямой в таких важнейших аспектах, как осмысление категории свободы: в постмодернизме следует говорить о смерти свободы, которая заменяется массивом

знаков, текстов, симулякров и симуляции, формирующих гиперреальность, которая, подобно «призраку» Ж. Деррида, ни существует, ни не существует; для Фукуямы же свобода – важнейшая категория, весь всемирно-исторический процесс может рассматриваться как обретение человечеством истинной свободы, во имя которой строятся и разрушаются империи, создаются религиозно-этические учения, гибнут на эшафотах и в печах крематориев люди, строятся и разрушаются стены, подобно Берлинской, ставятся памятники героям и тиранам. Ф. Фукуяма соглашается со многими выводами Г. Гегеля о всемирно-историческом процессе как обретении человеком свободы. На Востоке свободен только один, в античной цивилизации свободными являются лишь некоторые, и только в германо-христианском мире свобода осознается как неотъемлемое достоинство всех. Фукуяма согласен с первым и вторым положением, однако для него царство Свободы – это не конституционная монархия, а либеральная демократия, именно в ней и только в ней человек может реализовать свой потенциал. И если для Гегеля смысл и результат истории – битва при Йене (1806), когда армия Наполеона (образ грядущего мира) разбила прусские войска (образ уходящего мира), то для Фукуямы – это 1989 г. Фукуяма считает, что конец истории в гегельянском понимании возможен, только с той разницей, что смысл всемирно-исторического процесса заключается не в воплощении Абсолютного Духа (в том числе и в наилучшей форме правления), а в полной и окончательной победе либеральной демократии в качестве единственной магистральной альтернативы развития мира. Также необходимо отметить, что американский философ подчеркивает огромное значение «духа 1776 г.» и «духа 1789 г.» в достижении конца истории: именно тогда была сформулирована и реализована в рамках политической практики идея построения либеральной демократии. Однако философ не идет по пути А. Кожева и не называет все дальнейшие процессы «подчисткой арьергардов» [10, с. 41].

К сожалению, Ф. Фукуяма не изложил систематически своих взглядов на историю XIX – первой половины XX в., однако его методологические и философские подходы дают возможность сделать вывод, что процесс утверждения идеи либеральной демократии не был простым. Она распространилась в XIX в. по Западной Европе и Северной Америке и к началу XX в. была готова продолжить свое триумфальное шествие, однако в результате Первой мировой войны не только возник кризис идеи либеральной демократии, но и произошло формирование глобальных вызовов либеральной демократии – фашизма и коммунизма. Следовательно, XX в. – это не арьергардные бои истории, а великое противостояние за «конец истории».

Вместе с тем Ф. Фукуяма делает еще один акцент на жажде признания, идее, восходящей к Платону, которая диалектически связана с идеей свободы. И если мы будем рассматривать «конец истории» в качестве универсального референта, то события 1776 г. и события 1789 г. можно считать эпифанией, а события 1989 г. – явлением Бога миру «во славе своей».

Однако почему Ф. Фукуяма выбрал именно континентальную философскую традицию? Ведь в англо-саксонской политической философии значительное место уделяется вопросам демократии, либерализма, идеальных форм правления. Напомним, что именно идеи английских философов XVII в. Дж. Локка и Т. Гоббса легли в основу построения американской государственности. Признавая их роль в аргументации и обосновании либеральной демократии, Ф. Фукуяма отдает предпочтение гегельянству. Представляется, что такой выбор связан со следующими причинами.

1. Широкая известность идей английских философов в научном дискурсе, что предопределило основательное осмысление их идей и, в свою очередь, не давало серьезных возможностей для оригинальных трактовок и интерпретаций их философских и политических взглядов.

2. Рациональная и материалистическая методология англо-саксонской школы политической философии, не позволяющая корректно вводить такие конструкты, как «конец истории».

3. Технологическое восприятие англо-саксонской школой такой категории, как «свобода».

По определению Гоббса, любой человек, действиям которого не мешают физические ограничения, будет считаться «свободным». Но в тех пределах, в которых человек имеет физическую или животную природу, он не может быть рассматриваем иначе, как набор потребностей, инстинктов, желаний и страстей, взаимодействующих весьма сложным, но, в конечном счете, механическим образом, который и определяет поведение личности. Таким образом, голодный и промерзший человек, как пишет Фукуяма, разыскивающий пищу и кров для удовлетворения естественных потребностей, свободен не более чем медведь или даже камень: он просто более сложная машина, запрограммированная более сложным набором правил [2, с. 74]. И тот факт, что в своем поиске еды и крова он не встречает физических ограничений, создает лишь видимость, но не реальность свободы.

Ф. Фукуяма в конце 1980-х – начале 1990-х гг. заложил именно категорию свободы в основу построения концепции «конца истории». Англо-саксонское утилитарное и «технологическое» понимание свободы в общественном контексте, акцент на свободу человека экономического (например, в контексте взглядов Г. Саймона) слабо коррелировали с гегельянской философией. Либеральная демократия, конечно, может быть описана с помощью категорий либеральной экономики и либеральной политики и в рамках англо-саксонского подхода в политической философии, однако результат подобного осмысления – теория модернизации (теория модернизации утверждает, что промышленное развитие следует логически последовательной закономерности роста и в свое время создаст единообразные социальные и политические структуры, объединяющие разные культуры и страны). Ф. Фукуяма признает достаточный эвристический потенциал данной концепции (например, благодаря ей возможно объяснить высокую эмпирическую корреляцию между современным обществом и либеральной демократией). Однако без обращения к «человеческой» природе человека вся англо-саксонская политическая философия не может понять глубинных причин развития всемирно-исторического процесса. Ф. Фукуяма доказывает, что стремление к либеральной демократии заложено в природе человека, а значит, процесс достижения точки «конца истории» является обязательным для всех обществ. Концептом, связующим либеральную экономику и либеральную политику, является тимос и жажда признания, которые были обоснованы Платоном, Кантом, Гегелем, Кожевым. Тимос Платона и жажда признания Г. Гегеля, который считал, что именно такая жажда признания наряду со стремлением к свободе является двигателем истории, а это позволяет обосновывать «конец истории» с идеалистических позиций. Сам Ф. Фукуяма часто смешивает философские концепции Платона, Г. Гегеля, А. Кожева, что приводит к невероятной путанице. Поэтому в контексте социальной философии Ф. Фукуямы тимос и жажда признания являются категориями одного порядка.

Можно утверждать, что эффект новизны применения идеалистической философии в ее довольно радикальном варианте в англо-саксонской политической философии, а также глобальные геополитические трансформации конца середины 1970-х – начала 1990-х гг. предопределили успех провозглашения «конца истории».

Влияние глобальных событий, процессов и геополитических трансформаций середины 1970-х – начала 1990-х гг. на провозглашение Ф. Фукуямы конца истории

Любые исследования в области философии истории предполагают обращение к историческим процессам и событиям. Неслучайно Гегель провозгласил свой «конец истории» после битвы при Йене (1806) [7, с. 102]. Ф. Фукуяма, идя по стопам учителя, также привязывает провозглашение своего конца истории к глобальным геополитическим трансформациям. Американский философ считает, что «конец истории» возможен только тогда, когда альтернативы мирового развития, бросившие вызов либеральной демократии, повержены и более не являются угрозой, а также отсутствуют фундаментальные противоречия в самой победившей модели развития. Таким образом, завершается идейное развитие человечества, устанавливается последняя форма правления и наступает конец истории. И если фашистская альтернатива развития была ликвидирована силой оружия, то коммунистическая продолжала быть актуальной практически до конца существования СССР. Фашизм и коммунизм являются продуктами европейского модерна, которые восстали против своего родителя, стремились до неузнаваемости изменить облик Европы и мира. Фукуяма согласен с мнением, сложившимся в историографии, что фашизм является наиболее радикальной формой правой диктатуры, правой тоталитарной альтернативой глобального развития. Его уничтожение не отменило существования правых авторитарных режимов, как связанных с фашизмом (франкистская Испания, Португалия эпохи Салазара-Каэтану), так и не связанных с ним (например, правые военные диктатуры в Латинской Америке). Однако, как отмечает Ф. Фукуяма, правая авторитарная и тоталитарная альтернатива не может сформировать глобальной альтернативной повестки мирового развития [2, с. 47].

Для большинства европейских и американских интеллектуалов эпохи биполярного мира гегельянское понимание всемирно-исторического процесса казалось архаичным и не отвечающим требованиям современного для них мира. Подобную позицию можно свести к формуле «коммунизм – это всерьез и надолго», а значит, с ним придется жить не только нам, но и последующим поколениям. Следовательно, с Советской мир-империей необходимо вести диалог, поддерживать глобальный баланс сил: коммунизм можно ненавидеть, но с ним приходится считаться. Среди ученых, поддерживавшихся таких взглядов, стоит выделить основателей школы реализма в международных отношениях Дж. Кеннана и Г. Моргентау, представителей неореализма (К. Уолтц, Р. Арон и даже З. Бжезинский в 1970-е – начала 1980-х гг.). Вместе с тем в западной науке существовало мнение об идеологической выхолощенности СССР, который воспринимался прежде всего как геополитический субъект (именно геополитический субъект, а не идеологический противник), с которым ведется экзистенциальное противостояние. Так, и сам Ф. Фукуяма в докторской диссертации, посвященной советской геостратегии на Среднем Востоке в 1970-е гг., воспринимал СССР в качестве прежде всего геополитического субъекта, но тем не менее отмечал, что идеология играла важную роль в формировании и реализации геостратегии СССР [11]. Таким образом, Фукуяма считал вызовом либеральной демократии не столько коммунистическую идею Маркса, которая уже не была опасна для западного общества, сколько саму советскую мир-империю, фактически реально существующую модель марксизма, значительно отличавшуюся от интеллектуальных футурологических построений К. Маркса, В. Ленина, однако легитимизируемую и «освящаемую» их именами и социально-философскими учениями. СССР воплощал в себе идею коммунизма. В одном из интервью середины 2000-х гг. Фукуяма говорил, что «не будет «исламской современности», «западной современности», «китайской современности» [12]. СССР же, как виделось Ф. Фукуяме, создавал альтернативную модель современности и, соответственно, являлся препятствием триумфу либеральной демократии. Таким образом, не конвергенция мировых систем, а только

конец коммунистической идеи и ее геополитического воплощения мог стать основанием провозглашения конца истории.

Вместе с тем для провозглашения конца истории был необходим триумф либеральной демократии во всем мире, который заключался в следующем: в экономических и политических успехах стран либеральной демократии, процессах демократического транзита, кризисе советской мир-империи. Следует выделить такие процессы и события, которые оказали наибольшее влияние на воззрения Ф. Фукуямы и стали эмпирической основой аргументации провозглашения конца истории:

1. Процессы демократического транзита в странах Южной Европы, Латинской Америки, Азии, Африки начиная с середины 1970-х гг. Этот процесс, связанный с кризисом авторитаризма и коммунизма, в работах С. Хантингтона определяется как третья волна демократизации, которая характеризуется всеобъемлющим охватом, чередованием кризисов и периодов экономического роста, оказывающих непредсказуемое влияние на монополию власти авторитарного режима, спецификой культурной и региональной локализации [13, с. 42]. Для третьей волны характерно и то, что большинство молодых демократий так и не консолидировались, что способствовало появлению гибридных демократий. Ф. Фукуяма солидаризируется с мнением С. Хантингтона о природе процессов демократизации в этот период, однако отвергает теорию волн демократизации в целом. Первым примером перехода от правого авторитарного режима к демократическому стал демократический транзит в Португалии в 1974 г., который достиг своего пика в конце 1980-х гг. Также необходимо отметить, что одной из важных причин этих демократических революций стало стремление человека к свободе и жажде признания.

2. Уничтожение правой альтернативной магистрали глобального развития, причем как ее европейской, так и азиатской ветви. По мнению Ф. Фукуямы, наиболее важным является не столько уничтожение этой парадигмы, сколько успешная интеграция ее ядра в контекст либеральной демократии. Сложно не согласиться с тем, что ФРГ к 1980-м гг. являлась либеральной демократией. Япония также стала флагманом либеральной демократии в Азии, несмотря на ряд региональных и культурных особенностей. Тем не менее для Японии характерны основные признаки либерально-демократического строя. Даже несмотря на постоянное нахождение у власти ЛДПЯ, режим здесь остается демократическим, даже в рамках довольно критичного подхода процедурной демократии Й. Шумпетера. Таким образом, эти процессы позволили Ф. Фукуяме сделать вывод о возможности интеграции в либерально-демократическую парадигму обществ, имеющих культурную традицию, отличную от западной.

3. Форсированное развитие стран Азии в 1970-е – 1980-е гг. Оно привело к появлению такого феномена, как «азиатские тигры», и стало возможным только тогда, когда были созданы условия для развития рыночной экономики, причем они создавались именно авторитарными режимами, которые впоследствии совершили демократический транзит. Этот процесс захватил практически все азиатские страны, пожелавшие принять рыночные принципы и полностью влиться в глобальную капиталистическую экономическую систему. Успех этого мероприятия, как отмечает Фукуяма, дал понять, что бедная страна, не имеющая других ресурсов, кроме трудолюбивого населения, может к своей выгоде воспользоваться открытостью международной экономической системы [2, с. 267]. Многие из быстро развивающихся стран Восточной Азии, будучи экономически либеральными, не приняли призыва к политической либерализации. Однако в долгосрочной перспективе, по мнению Ф. Фукуямы, они не смогут сформировать альтернативную модель современности, более того, социальные и политические структуры и институты будут все больше сближаться с либерально-демократическими. Отсутствие реформ на Ближнем Востоке Ф. Фукуяма объясняет особым статусом региона как основной ресурсной базы Запада.

4. Экономические реформы в КНР. Они позволили говорить о расширении географического присутствия идеи либеральной демократии, хотя и в очень ограниченном количестве: «Но сила либеральной идеи не была бы столь впечатляющей, не затронула она величайшую и старейшую в Азии культуру – Китай» [1, с. 148]. Конечно, о либеральной демократии в понимании Ф. Фукуямы в КНР говорить нельзя, однако мягкий авторитаризм в условиях экономического роста и достижения развитой индустриальной или постиндустриальной стадии может трансформироваться в либеральную демократию. И даже события на площади Тяньаньмэнь не поколебали уверенность Ф. Фукуямы относительно конца истории. Несмотря на ужесточение режима, последовавшее после площади Тяньаньмэнь, китайское руководство согласилось с необходимостью рынков и децентрализации принятия экономических решений, а также тесной интеграции в систему мирового капиталистического разделения труда и проявило желание допустить большее социальное расслоение, сопровождающее возникновение технократической элиты. Отметим, что авторитарный режим может быть значительно более эффективным в экономической модернизации, чем либеральная демократия, однако именно последняя создает лучшие условия для экономического развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

5. Революции в Центральной и Восточной Европе. По мнению Ф. Фукуямы, именно революции в странах, которые являлись «витриной» советской мир-империи, говорят о дальнейшем воплощении идеи свободы во всемирно-историческом процессе. Этот триумф свободы стал результатом соревнования идеи либеральной демократии и коммунизма.

6. «Перестройка» в СССР. Ф. Фукуяма определял перспективы развития следующим образом: «Таким образом, Советский Союз находится на распутье: либо он вступит на дорогу, которую 45 лет назад избрала Западная Европа, либо, уверенный в собственной уникальности, застрянет на месте» [2, с. 303]. Однако, по мнению философа, выбор СССР не будет иметь значения для конца истории, т. к. либеральная идея уже победила. Для постисторического мира сделанный выбор будет иметь огромное значение, ведь, если учесть территорию и военную мощь Союза, он по-прежнему будет поглощать наше внимание, мешая осознанию того, что мы находимся уже по ту сторону истории.

Все вышеуказанные процессы и события явились эмпирическим обоснованием провозглашения конца истории Ф. Фукуямой. Наибольшее влияние оказали революции в Центральной и Восточной Европе (возвращение региона на путь либерально-демократического развития) и процессы демократизации и либерализации в СССР (поражение коммунистической альтернативы развития). Они стали триумфом либеральной демократии, символом победы идеи свободы. В статье 1989 г. основной причиной формирования и реализации на практике идеи либеральной демократии Ф. Фукуяма определял именно стремление к свободе. Тимос и жажда признания предопределили активизацию стремления к политическим и экономическим свободам. Но философ никогда категорично не заявлял о «конце истории», даже в работах конца 1980-х – начала 1990-х гг., всегда оставляя ряд возможностей для «перезапуска истории»: «Вполне возможно представить себе, что такие страны, как Перу или Филиппины, снова вернутся к диктатуре того или иного толка под давлением сокрушительных проблем, которые приходится решать» [2, с. 106].

Вместе с тем события, связанные с ростом насилия, расширением локальных конфликтов, распространением радикальных идеологий и др., вынудили Ф. Фукуяму несколько «смягчить» конец истории. Среди них особенно стоит выделить рост национализма в СССР и затем на постсоветском пространстве (умеренный национализм воспринимается Фукуямой положительно и, по его мнению, позволяет более эффективно бороться с левой альтернативой глобального развития, однако радикальный национализм не может быть принят либерально-демократическим миром), акты геноцида

в бывшей СФРЮ, популяризацию идеологии радикального исламизма и международный терроризм. Таким образом, философ определяет две угрозы, которые необходимо ликвидировать либерально-демократическому миру: национализм и религиозный фундаментализм. Однако ни первое, ни второе явление не могут стать альтернативами постисторической цивилизации в силу невозможности сформировать глобальную и универсальную альтернативу развития.

Таким образом, осмысление процессов и событий середины 1970-х – начала 1990-х гг. стало той эмпирической базой, которая позволила Ф. Фукуяме на основе философских и методологических позиций гегельянства провозгласить конец истории. Впрочем, философ делает вывод, что победу одержала не столько либеральная практика, сколько либеральная идея. Иными словами, для очень большой части нашего мира не существует идеологии с претензией на универсальность, которая могла бы бросить вызов либеральной демократии, и универсального принципа легитимности иного, нежели суверенитет народа. В этих событиях философ определяет ключевой составляющей именно стремление к свободе, а не экономические, культурные или политические причины. Стремление к свободе, проявляемое в тимосе, в борьбе за жажду признания, а главное, примеры их реализации в общественном, политическом и культурном развитии позволили философу говорить о триумфе либеральной демократии.

Видение Фукуямой процессов научно-технического и модернизационного развития как основа его аргументации наступления «конца истории»

В 1989 г. в статье «Конец истории?» Фукуяма аргументировал конец истории исключительно с позиций идеализма, что создавало дополнительные возможности для критики его позиции. Однако уже в книге «Конец истории и последний человек» (1992) философ расширяет содержательное поле аргументации и обращается к закономерностям социально-экономического и научного развития.

Научный метод, открывший дорогу европейскому модерну и индустриальному обществу, создал условия для актуализации категорий равенства и свободы. Научный метод на первом этапе стал предварительным условием для индустриализации, которая порождает, в свою очередь, такие социальные явления, как урбанизация, бюрократизация, ломка широких семейных и племенных связей и рост уровня образованности, а на втором этапе стал самостоятельным фактором развития. По мнению философа, господство современной науки над человеческой жизнью вряд ли можно обратить вспять при каких-либо предвидимых обстоятельствах, даже самых экстремальных. Поэтому неслучайно одну из глав книги Ф. Фукуяма назвал «Победа видеомэгнофона» [2, с. 198]. Научно-технический прогресс позволяет создавать условия для того, чтобы население жило по максимально высоким стандартам жизни, является довольно значительным «искусшением» для исторического мира.

Но Ф. Фукуяма отмечает, что сам по себе научный метод и технология нейтральна и не способствуют достижению либо отсрочке или отмене конца истории. И. де Сола Пул (Ithiel de Sola Pool), с которым соглашается Ф. Фукуяма, относительно роли и места научно-технологического прогресса в становлении (прежде всего, в процессе демократического транзита, выражаясь категориальным аппаратом С. Хантингтона) либеральной демократии говорит, что результаты научно-технологического прогресса в виде распространенных технологий оказали значительное влияние на ускорение процессов демократического транзита и укрепление институтов гражданского общества. Эти технологии автор называет «технологиями свободы», т. к. их внедрение создает условия для демократических преобразований [14, с. 6, 8]. Наиболее характерный пример для современного мира (де Сола Пул сформулировал эти идеи в 1980-е гг.), на наш взгляд, это социальные сети, которые сыграли значительную роль в событиях Арабской весны, гражданских противостояниях последнего десятилетия на постсоветском пространстве, в Западной

Европе и США. Для Ф. Фукуямы такими технологиями стали телевидение, радио (например, вещавшие на территории СССР и Центральной и Восточной Европы «Радио Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна» и др.), бытовые приборы (телевизоры, видео-магнитофоны, персональные компьютеры, СВЧ-печи и др.), получившие распространение в Западной Европе и США и создававшие притягательный образ Запада.

Вместе с тем философ неизбежно формулирует вопрос: научно-технологический прогресс – это добро или зло для человечества? Ф. Фукуяма в своих работах не дает определенного ответа на этот вопрос, однако анализирует практически все его аспекты. И вывод очевиден. Наука и техника стали немаловажным фактором формирования облика современного общества и сыграли значительную роль в переходе к тому состоянию во всемирно-историческом процессе, который определяется как «конец истории».

Однако наука, научно-технологический прогресс сами по себе каким-то неизбежным путем не ведут к капитализму в сфере экономики или к либеральной демократии в политике. Созданные наукой условия для модернизации значительно ускорили процессы индустриализации, а также иные процессы, с ними связанные, прежде всего, в социально-политической сфере. Все это порождает некоторые единообразные изменения в различных странах и культурах. Вместе с тем либеральная демократия формирует довольно широкий коридор для модернизации. Важно, чтобы модернизация создавала свободный рынок как институт и экономику свободного рынка в целом, динамичную индустриализацию и постиндустриализацию, способствовала укреплению демократических институтов. По мнению Фукуямы, именно модернизация создает условия для реализации идеи свободы во всемирно-историческом процессе. У обществ, по мнению философа, есть некоторая свобода в том, до какой степени можно регулировать и планировать капиталистическую экономику. Тем не менее осуществление модернизации экономики под давлением технологии создает для развитых стран серьезные стимулы принять основные условия универсальной капиталистической культуры экономики, допустив достаточную экономическую конкуренцию и рыночное ценообразование. Таким образом, развитие научно-технологического прогресса и успешные процессы модернизации сыграли определенную роль как в утверждении Ф. Фукуямой «конца истории», так и в расширении базы его аргументации. В дальнейшем Ф. Фукуяма продолжил изучение роли этих явлений в современном мире и в середине 2000-х гг., именно процессы модернизации определил в качестве основного фактора развития обществ.

Заключение

Необходимо выделить три группы факторов, которые дали основание Ф. Фукуяме провозгласить конец истории:

- 1) философская идея о возможности конца истории;
- 2) процессы и события середины 1970-х – начала 1990-х гг.;
- 3) процесс модернизации и научно-технологический прогресс.

В результате осмысления факторов, оказавших влияние на формирование концепции «конца истории» Ф. Фукуямы, сделаны следующие выводы.

1. Теоретико-методологической и философской основой провозглашения конца истории Ф. Фукуямой стало наследие Г. Гегеля, воспринятое сквозь призму учения А. Кожева.

2. История XX в. в понимании Ф. Фукуямы – это глобальное «соревнование» идеологий коммунизма, фашизма и либеральной демократии.

3. Процессы демократического транзита в странах Центральной и Восточной Европы, а также Перестройка в СССР оказали определяющее воздействие на формирование концепции «конца истории» Ф. Фукуямы.

4. Научно-технологический прогресс и процессы модернизации для Фукуямы конца 1980-х – начала 1990-х гг. сами по себе не являются определяющим фактором

для достижения «конца истории», однако создают значительную «ресурсную» базу для подобного транзита.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопр. философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
2. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2007. – 588 с.
3. Дугин, А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России / А. Дугин. – М., 1998. – 398 с.
4. Мухаев, Р. Т. Геополитика : учеб. пособие / Р. Т. Мухаев. – М. : Юнити-дана, 2007. – 623 с.
5. Нартов, Н. А. Геополитика : учеб. пособие / Н. А. Нартов. – М. : Юнити-дана, 2009. – 544 с.
6. Августин, Аврелий. О граде Божьем [Электронный ресурс] / Аврелий Августин // Православ. энцикл. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/. – Дата доступа: 01.02.2019.
7. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 480 с.
8. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1992. – 386 с.
9. Соловьев, В. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории [Электронный ресурс] / В. Соловьев. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/soloviev/trirazgov/index.html>. – Дата доступа: 01.03.2018.
10. Kojeve, A. Introduction to the Reading of Hegel / A. Kojeve. – New York : Basic Books, 1969. – 208 p.
11. The Soviet Union and Iraq since 1968, Rand research report, 1980 // Rand Corporation [Electronic recourse]. – Mode of access: <https://www.rand.org/content/dam/rand-pubs/notes/2007/N1524.pdf>. – Date of access: 02.02.2019.
12. Не конец истории [интервью с Ф. Фукуямой] [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/643994>. – Дата доступа: 01.02.2019.
13. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М. : РОССПЭН, 2003. – 368 с.
14. Sola Pool, I. de. Technologies of Freedom / I. de Sola Pool. – Cambridge : Harvard/Belkman, 1983. – 284 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.02.2020

Klimovitch A. V., Zhuk S. A. Factors of Formation of the Concept of «The End of History» by F. Fukuyama

The article analyzes the factors influenced on the formation of the concept of «The end of history» by F. Fukuyama. Typologization of the groups of factors that had a decisive influence on this concept (the philosophical idea of the possibility of the end of history; processes and events of the mid-1970s – early 1990s; the theory of modernization and the formation of the scientific method) is carried out. «The end of history» is defined as the triumph of the idea of freedom in the world-historical process in the liberal-Hegelian sense.